

**ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ
КОНЦЕПЦИЯХ ГАЛЛИКАНИЗМА И ФРАНЦУЗСКОГО
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА XVII–XVIII ВВ.**

Чрезвычайно важным принципом, введенным в 1789 г. в конституционную практику Франции Национальным учредительным собранием после провозглашения Декларации прав человека и гражданина, был принцип суверенитета нации, существенно повлиявший на развитие правовой государственности во Франции и решительно порывавший с прежней политико-правовой традицией и трактовкой понятия государственного суверенитета в духе официального галликанизма.

Рассмотрим более подробно сущность субстанциальной субституции, произошедшей в социально-философском и политико-юридическом понимании категории государственного суверенитета, основополагающим элементом которой ныне на уровне государственных структур будет выступать не монарх, а нация.

Ранее, на протяжении ряда веков, политический строй абсолютистской Франции основывался, по сути дела, на отождествлении монархического государства и личности монарха. Наиболее полно оно выражено в приписываемом Людовику XIV афоризме: «Государство — это я» [1, 50]. С ним целиком солидаризируется другой наиболее известный корифей официального галликанизма епископ Боссюэт в своей книге «Политика, извлеченная из откровений Святого Писания»: «В нем все государство, в нем власть, в нем воля всего народа» [2, 46–47].

Следует сказать, что очень часто такое же смешение понятий монарха и государства обнаруживается у противников абсолютной монархии XVI–XVIII вв., которые, полемизируя с идеологами абсолютизма, также констатируют это отождествление, но сожалеют о нем и оспаривают его.

Как мы видим, проблема государственного суверенитета в интерпретации Боссюэт и других апологетов официального галликанизма, в сущности, сводится к проблеме верховенства королевской власти в обществе и государстве.

Теоретические положения доктрины Боссюэт при всей спорности их социально-политического и философского содержания во многом адекватно отражали реалии французской политической жизни и представления его современников о государстве и политике. Разумеется, с позиции историка и социолога XX–XXI вв. очень многое в доктрине Боссюэт может представляться сегодня неприемлемым и реакционно-утопичным, отвергаемым в силу его несоответствия потребностям развития общества. Так, отмечая как позитивную попытку философа разработать типологию государственных форм управления и проследить их эволюцию, мы, конечно, не можем взять на вооружение его метод анализа, рассматривающий государство как некую вневременную категорию, истоки которой лежат в плоскости провиденциализма. Данный подход свойствен философу и при рассмотрении проблемы французской государственности.

Объективности ради отметим, что подобного рода «геометрический» подход к анализу общественных реалий в той или иной степени присущ ряду других философов XVI–XVIII вв. В качестве примера можно сослаться на знаменитый трактат Гоббса «Левиафан» [3].

В основе современных исследований о французской государственности при всей пестроте их конкретно-исторических выводов во многом лежат иные, выработанные социологией XIX–XX вв. критерии, позволяющие более комплексно и объективно рассматривать указанную проблему, впрочем, как и процесс развития государственности вообще. Авторы этих исследований, как правило, указывают, на длительную хронологию и социальную многослойность процесса формирования французской государственности, что порождает определенную диверсификацию и даже полярность в оценке конкретных аспектов указанного феномена.

В середине XVII в. территориальное формирование французского государства было еще не завершено. Существовал национальный центр, ключевым звеном которого выступала королевская власть, так или иначе объединявшая вокруг себя различные провинции и исторические области страны. Институт королевской власти был одним из главных факторов сплочения Франции, активно влиявшим на этот процесс в тесной связи с другими факторами — экономическими, социально-политическими, национально-языковым и национально-культурным. Три важнейшие реалии жизни — король, страна, нация — выступали для самой широкой массы французов времен не только Боссюэ, но и Монтескье, как составляющие единого и всеобъемлющего политического и культурно-этнографического целого — национального государства. Последнее воспринималось как своего рода духовное единство, главой которого выступал король.

Власть короля, эманацией которого, как и в период средневековья, во многом выступает государство, в сознании французов зиждилась как бы на трех основах: религиозно-конфессиональной, сословно-феодальной и римско-правовой.

Особое значение при этом приобретала первая: ведь, за редчайшим исключением, подданные короля Франции были людьми верующими. Богоизбранность монарха, сакраментальный характер его личности и в силу этого огромный духовный авторитет воспринимались как собой разумеющееся как в «низах», так и в «верхах» общества.

Религиозно-конфессиональная основа королевской власти была тесно связана с системой феодально-сословной зависимости подданных от монарха. К XVII в. категории вассалитета дворян по отношению к государю трансформируется в основном в клиентельные отношения, однако социально-генетическая связь первых и вторых делала устойчивыми в среде дворянства представления-стереотипы о личной верности сюзерену — монарху.

Принятие франкскими королями еще в V в. христианства способствовало утверждению и существованию в стране достаточно устойчивых многовековых юридико-политических норм и традиций, основанных на римском праве. Это также способствовало повышению авторитета королевской власти, что подтверждается многочисленными свидетельствами средневековых хроник и докумен-

тов, а также обобщениями философских трактатов французского Ренессанса. Роль церкви в этом отмечал, в частности, в своих наставлениях сыну и дочери Людовик IX.

Еще в XIII в. королевские легисты ввели во французское законодательство знаменитую формулу: «Король является императором в своем королевстве». Начиная с XIV–XV вв. эта формула будет и определенным правовым аргументом французских государей против политических притязаний Ватикана. Этой же формулой, по сути дела, воспользуются Людовик XIV и Боссуэ в галликанской декларации 1682 г. и в своих теоретических изысканиях [2, 47–49].

Власть французского государя в глазах его подданных в XVII в. и в определенной степени и в последующем веке была окружена определенным религиозно-мистическим ореолом. Сам титул его «король Франции» (*roi de France*) нес в себе эту мистику, ибо «Франция» выступала как некая духовная, стоящая над «земной твердью», сверхреальность, а не как регионально-географическое пространство и национальное содружество людей. Рационально-логическое расчленение и осмысление общественной жизни и политических отношений было еще достоянием немногих вольнодумцев и очень часто вызывало в обществе протест.

Церковь играет в иерархии признаков государства, составляющих реальное содержание общей категории государственного суверенитета во Франции XVII–XVIII вв., исключительно важную роль.

Как социальная структура и политико-правовой институт общества она является, как об этом уже в определенной степени говорилось выше, имманентным элементом публичной власти королевской Франции и в силу этого субъектом правотворчества, а не только частью феодального госаппарата страны. В основе этого лежит союз монархии и церкви. Духовное сословие феодальной Франции активно влияло и на правоспособность короля-суверена управлять государством, придавая его власти сакральный для массы подданных характер [4, 77–79; 5, 32–33].

Все существенные признаки французского феодального государства так или иначе несут в себе конфессионально-церковный элемент. Это касается как основных составляющих понятие суверенитета в условиях абсолютистско-клерикального режима, что уже проанализировано нами, так и производных от них. По нашему мнению, их существует не менее пяти. Итак, речь идет о нижеследующих признаках:

- 1) абсолютистское государство — организация всего господствующего класса, составной частью которого выступает духовенство;
- 2) государство располагает аппаратом принуждения, в котором клир играет значительную роль;
- 3) предписания государства, представляющие фактически взаимно санкционированные монархией и церковью правовые акты, имеют общеобязательную силу для всего населения страны;
- 4) наличие особой финансовой базы, складывающейся из налогов и иных видов феодальной ренты и идущей в основном на содержание государственно-чиновничьего и государственно-церковного аппарата;

5) существование сословного строя, аппаратом которого выступает абсолютистская монархия и официальная церковь.

Сказанное выше свидетельствует о том, что церковь была как бы государством в государстве и любое сколько-нибудь значительное изменение элементов государственного строя неизбежно задевало ее социальные и политические интересы. С другой стороны, качественное обновление содержания французского суверенитета было немислимо без наступления на монополию церкви в жизни общества и государства.

Это признают, так или иначе, почти все современные авторы, исследующие историю Франции конца XVIII в. Несмотря на пестроту историографических, политико-философских и социально-юридических оценок представителей различных обществоведческих школ и направлений, многие историки классифицируют королевскую Францию XVII–XVIII вв. как дворянское абсолютистское государство эпохи раннего развития капитализма с особым статусом католической церкви, как государственно-конфессиональной структуры [6, 277–278].

В отличие от абсолютизма политический режим Конституанты зиждился на ином политико-правовом фундаменте. Краеугольным камнем его было признание тождества нации и государства. Государь отныне не признавался воплощением государства, державное начало отныне ассоциируется с политически организованной нацией. Последняя рассматривается как постоянно функционирующий общественный коллективный организм.

Старое феодальное деление французского общества приводило к тому, что сословия провинций и слои населения отстаивали свои законные интересы в рамках сословного эгоизма и регионального партикуляризма. И только монарх выступал как олицетворение национального единства и воплощение общих интересов нации.

В годы Французской революции в тождестве «король — государство» произойдет весьма существенная субституция, где место монарха займет нация. Это, конечно, не было случайностью, ибо революция сумела реализовать единство самой нации. Факторами утверждения этого единства были окончательное становление системы рыночных отношений, зрелость французской национальной демократии, зарождение структур правового государства. В этой связи можно отметить то, что одними из первых последствий революции, и притом наиболее решающими в сфере политико-правовой, были политическая консолидация нации и превращение Генеральных Штатов в Учредительное Собрание [7, 2].

Таким образом, являясь в соответствии с конституционными нормами 1789–1791 гг. единственным источником власти, французская нация провозглашалась в соответствии с ними единственным субъектом права, могущим передавать осуществление власти лицам и учреждениям, которые в порядке исполнения закона становятся функционерами — носителями власти, осуществляемой от имени нации — всего национально-территориального сообщества французов [7, 13].

В заключение отметим, что конституционные акты Франции 1789–1791 гг. решительно порывают с прежней политико-юридической традицией страны в том плане, что ни один из индивидов или учреждений как юридическое лицо

не может пользоваться или распоряжаться властью по собственному праву. Это представляло собой разительный контраст с прежней практикой кутюмного права, исключительных прерогатив абсолютного монарха и в особенности привилегий церкви, которые делали ее в дореволюционной Франции своеобразным государством в государстве. Отныне же все осуществляющие властные функции лица и учреждения могли действовать лишь от имени нации, представляющей собой в политико-юридическом смысле единый и неделимый национально-территориальный коллектив. Французская нация порывала с официально-галликанскими догматами суверенитета монарха, обретая таким образом интегрированность своей собственной политико-правовой суверенности.

Констатируя большое значение введения в конституционную практику Франции принципа суверенитета нации и происшедшей на основе разрыва с официально-галликанской традицией политико-конституционной субституции субстанциально-смыслового содержания категории государственного суверенитета, отметим и то, что указанное способствовало реальному закреплению в государственно-юридической практике и политико-правовом сознании населения Франции в качестве новых морально-правовых ценностей общества таких фундаментальных императивов конституционализма, как:

- 1) непосредственное выражение нацией путем свободных выборов ее государственной воли и придание ей общеобязательного характера;
- 2) создание органов государственной власти, выражающих волю нации и функционально воплощавших в жизнь волю нации;
- 3) принятие органами государственной власти правовых актов, выражающих волю и устремления нации;
- 4) образование органами государственной власти структур, исполняющих эти акты в процессе социального функционирования государственного аппарата;
- 5) принятие органами государственной власти мер, обеспечивающих их контроль за исполнением изданных ими актов.

Указанные императивы французского конституционализма, развивавшиеся на базе принципов суверенитета личности и нации, органически обусловили и внедрение в жизнь общества и третьего фундаментального принципа правовой государственности — принципа разделения властей. Указанное было логическим закреплением в социальной практике Франции завоеваний ее великой революции, оказавшей столь большое влияние на весь всемирно-исторический процесс.

Литература

1. Малов В. Н. Жап-Батист Кольбер, абсолютистская бюрократия и французское общество. — М.: Паука, 1991.
2. Боссюэт Ж. Б. Всеобщая история для наследника французской короны. — М., 1774.
3. Гоббс Т. Левиафан // Сочинения: В 2 т. — М., 1991. — Т. 2.
4. Richelieu duPleussy J. A. Testament politique. — P.: Cussy, 1688.
5. Ришелье Ж. А. Политическое завещание. — Ленинград; М., 1766.
6. Кпехт Р. Ришелье. — М.: Зевс, 1997.
7. Constitution française presentee au roi par L'Assemblée nationale, le 3 septembre 1791. — Dijon: P. Causse, 1791.